

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОДЕРЖАНИЕ

август [8] 2012

- 4 Святейший Патриарх Кирилл: «Мы сохраним память о том, что здесь произошло»
Предстоятель Русской Церкви посетил Крымск
- 8 Трагедия в Крымске. Помощь Церкви
- 11 Автокатастрофа на трассе Киев — Чернигов

Официальная хроника

- 12 Служения и встречи Святейшего Патриарха Кирилла
- 16 От общего корня происходит сила наших народов
Первосвятительский визит в Брянскую епархию
- 19 Человек, обретающий Духа Святого, становится богатырем...
Святейший Патриарх Кирилл посетил Валаамский монастырь
- 22 Катюнь — рождение новой эпохи
Первосвятительский визит в Смоленскую епархию

- 24 Наречение и хиротония
Епископ Выксунский и Павловский Варнава (Баранов), епископ Муромский Нил (Сычев), викарий Владимирской епархии, епископ Лодейнопольский Мстислав (Дячина), викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Людиновский Никита (Ананьев), викарий Калужской епархии

Поучения

- 38 *Митрополит Антоний Сурожский*
Богу всё возможно

Межсоборное присутствие

- 37 *Алексей Ордынский*
Церковная социальная деятельность будет систематизирована

Права и правила

- 57 *Инокния Ксения (Чернега)*
Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций

Церковная жизнь

- 40 *Архимандрит Софроний (Сахаров)*
Слово на Преображение. О Свете Фаворском
- 48 *Елена Емченко*
Спасо-Бородинский монастырь — память о войне 1812 года
- 64 *Протоиерей Андрей Юревич*
Дом священника стеклянный
Как предупредить кризис в семье священнослужителя
- 68 Живи не как хочется, а как Бог велит
О подходах к решению семейных проблем духовенства. Комментарии
- 70 Новости
- 74 *Архиепископ Егорьевский Марк*
Щедрый дар русским паломникам
На Святой земле открыты паломнический комплекс и Русский культурный центр

Современная икона

- 82 *Ирина Языкова*
Филермская икона Божией Матери (Филипп Давыдов)

Церковь и общество

- 60 *Алексей Реутский*
Как помочь выжить российской семье
На II Общецерковном съезде по социальному служению Церковь предложила свой план действий
- 78 *Юлия Синелина*
Насколько православны наши православные
Воцерковленность соотечественников в исследованиях российских социологов
- 81 *Алексей Сияков*
Над методикой определения воцерковленности социологам еще предстоит потрудиться
- 84 *Александр Авдеев*
Древнерусские надгробия
- 90 Как правильно зафиксировать и описать надгробный памятник
- 92 *Вера Захаренко*
Кладбища: сложные вопросы землепользования и эксплуатации

Чтение

- 94 Уральские старцы: преподобноисповедник Игнатий (Кевролетин)

ПРЕОСВЯЩЕННЫЕ АРХИПАСТЫРИ, ДОРОГИЕ ОТЦЫ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

У центрального события в жизни страны в июле есть название, и оно совпадает с названием небольшого городка в Краснодарском крае. Это Крымск. Трагедия, разыгравшаяся в этом городе в ночь с 7 на 8 июля, унесла жизни почти двухсот человек, тысячи жителей остались без крова. Но Крымск — это не только трагедия. Сегодня это и пример того, как общество учится быть равнодушным к чужой беде. И среди множества добровольцев, помогающих разбирать завалы, собирать, доставлять и распределять гуманитарную помощь, заметное место занимают церковные благотворительные организации. Адресная помощь пострадавшим и пастырская работа продолжают и сегодня. Рассказом о Крымске открывается августовский номер журнала. 23 июля город посетил Святейший Патриарх Кирилл. Он осмотрел улицы города, наиболее пострадавшие от наводнения, посетил Казанский храм, также попавший в зону затопления. Святейший владыка выразил благодарность всем, кто самоотверженно трудился для спасения людей, и вознес молитву о почивших. 26 августа по старому стилю — особая страница российской истории. В этот день ровно 200 лет назад состоялось Бородинское сражение. О том, как на поле битвы впоследствии был возведен Спасо-Бородинский монастырь, большой исторический очерк Елены Емченко. К празднику Преображения Господня мы публикуем важный богословский текст замечательного подвижника и богослова нашего времени схииархимандрита Софрония (Сахарова). В этом тексте отец Софроний говорит о богословии праздника и приводит удивительное по своей силе свидетельство одного афонского подвижника об опытном познании Фаворского Света и том, какое действие этот Свет производит в человеке. Радость праздника Преображения Господня да пребудет со всеми читателями нашего журнала.

Иларион,
митрополит
Волоколамский,
председатель
Редакционного совета
«Журнала Московской
Патриархии»

Журнал Московской Патриархии
Издается с 1931 г.
Свидетельство о регистрации
№ 030587 от 29.12.1998 г.
Учредитель:
Московская Патриархия
119034, Москва, Чистый пер., д. 5
Издатель: Издательство
Московской Патриархии

Председатель
Редакционного совета:
митрополит Волоколамский
Иларион
Главный редактор:
протоиерей
Владимир Силовьев
Ответственный редактор:
Сергей Чапнин

Зам. ответственного
редактора:
Евгений Стрельчик
Редакторы:
Дмитрий Анохин,
Александра Боровик,
Антонина Мага,
Евгений Мурзин,
Алексей Реутский

Корректоры:
Михаил Недзельский,
Екатерина Рипс
Верстка: Марина Творогова
Препресс и цветокоррекция:
Александра Акмаева/«Арефа»
Обложка: Владимир Ештокин/«Фома»
Фото: Сергей Власов, Кирилл
Новотарский, Владимир Ходаков

Адрес редакции:
119435, Москва,
ул. Погодинская, д. 20, корп. 2
тел./факс: (499) 246-01-65,
эл. почта: info03@gor.ru
www.jmp.ru
www.e-vestnik.ru
В номере использованы
материалы пресс-службы
Патриарха Московского и всея Руси

Отпечатано
ЗАО «АЛМАЗ ПРЕСС» 121470,
г. Москва, ул. Рябиновая, д. 46
Подписной индекс в каталоге
агентства «Роспечать»: 71157
Подписка в редакции
тел.: (499) 246-48-79
Тираж 25 000 экз. Цена свободная.
ISSN 0132-862X

Подписана сия надпись для впрעדь, чтобы память их незабвенна была и место то значно было, где которая гробница, и ведомо было, сия летопись для того написана.

Надгробие в церкви святителя Григория, епископа Неокесарийского, в Толмацкой слободе (Москва)

Александр Авдеев

Древнерусские надгробия

Последние два десятилетия, ознаменовавшиеся восстановительными работами в храмах и монастырях, переданных Русской Православной Церкви, а также широкомасштабными раскопками в древних русских городах, обернулись массовыми находками древнерусских подписных надгробий. Иные из них попали в музейные коллекции, другие выставлены на территории монастырей и приходских храмов, третьи, увы, утрачены безвозвратно в силу небрежения или невежества.

Первые белокаменные надгробия появились в Московской Руси в XIII веке, когда здесь окончательно утвердилось христианство. Как показали археологические раскопки, в московском крае в это время исчез распространенный у славян обычай захоронений в курганах. И в городе, и в селе умерших стали хоронить у церквей в вырытой в земле яме. Место захоронения отмечали валуном или гладким белокаменным надгробием, на которое иногда наносились узоры, имитирующие узоры на дорогих тканях. Однако, как это ни покажется странным, надписей на древнейших надгробиях не было. Они появились гораздо позднее: самое древнее подписное надгробие, найденное в Троице-Сергиевой лавре, датировано 1480 годом. В массовое употребление они вошли с 1492 года. Но почему — возникает закономерный вопрос — наши предки до этого времени никак не отмечали на могилах имена близких им людей? Может быть, потому, что перекочевавшая из первобытной древности традиция почитания предков была столь сильна, что потомки не нуждались в этом? Или же грамотных

людей, способных составить хотя бы краткую эпитафию, было слишком мало? Или же общинный коллективизм мешал признать в отдельном человеке личность и он был частью целого? Но дело, как кажется, в другом.

В 1492 году, том самом году, когда Христофор Колумб открыл Новый Свет, на Руси ожидали конца света. В этом году истекала седьмая тысяча лет от Сотворения мира и многие ошибочно полагали, что в это время и произойдет светопреставление. Но именно в это время произошли, если так можно выразиться, «тектонические» сдвиги в поминальной культуре. И связано это не только со сменой богослужебного Устава в Русской Церкви. Изменения, происшедшие в нем на рубеже XIV–XV веков, привели к появлению особой книги для записи имен усопших для поминовения их во время богослужения — Синодика.

Белый камень, которым богата была Северо-Восточная Русь, был идеальным материалом для резьбы. Мягкий и податливый, он и раньше использовался для резных украшений храмов Владимиро-Суздальской Руси. В белом камне привлекала его просто-

та: Церковь учила, что могиле православного христианина приличествует скромный надгробный памятник. Вот почему в Древней Руси для изготовления надгробий не использовались дорогостоящие материалы и надгробные памятники не имели той вызывающей парадности и пышности, как современные им европейские надгробия, над созданием которых трудились именитые скульпторы, или гранитные и мраморные надгробия российских кладбищ XVIII–XX веков. Впрочем, белокаменное надгробие в Московской Руси, несмотря на свою простоту, также не было очень дешевым и делалось на заказ профессиональными мастерами-камнерезцами. Даже в богатом известняком московском крае в XVI веке за его изготовление нужно было заплатить два с половиной рубля. В те времена три овцы оценивались в полтину, за рубль можно было купить четверть пуда ржи, за ту же цену отдавали полпуда воска или пуд меда, за корову платили от полутора до двух рублей, а за мерина — пять рублей. Средний годовой доход от деревни равнялся рублю. Но тем не менее на надгробиях можно видеть имена всех слоев тогдашней Руси: бо-

яр, служилых людей, купцов, горожан, крестьян. Белокаменное надгробие не являлось ни признаком богатства, ни показателем социального престижа, но знаком личного благочестия. Люди бережливее довольствовались более простыми памятниками — валунами (рис. 1), на которых своими силами выцарапывали надгробные надписи (в науке их называют эпитафиями, от греч. ἐπί — на, над и τάφος — могила).

Надпись занимала центральную часть надгробия, а по бокам вырезались узоры, видимо, появившиеся без влияния резьбы на деревянных изделиях. Они были довольно однообразны и в основном следовали сложившейся моде. На самых ранних вырезались линии из двух рядов мелких треугольников (специалисты называют их «волчий зуб»), обращенных вершинами друг к другу (рис. 2). Позднее один ряд треугольников приобрел более крупные очертания, а второй — стал похож на змейку или

веревку (рис. 3). С 60-х годов XVI века основным узором постепенно стала «плетенка» — орнамент в виде перевитых жгутов (рис. 4).

Однако с самого начала обязательным элементом украшения был солярный знак или Сегнерово колесо — круг в виде солнца, который помещался в верхней части надгробия и в его середине. Как доказал археолог Л.А. Беляев¹, этот знак не имел ничего общего с языческой символикой, но восходил к языческой символике, но восходил к украшению на крышке Гроба Господня в Иерусалиме и отражал христианскую идею воскресения из мертвых.

А вот изображений креста на надгробиях не было: на Руси, видимо, считали, что изображать его лежащим не совсем этично. Деревянный же крест, судя по записям и рисункам иностранных путешественников, устанавливался в изголовье надгробия.

Положение изменилось с середины XVII века из-за страшной тесноты от скопившихся на монастырских и при-

ходских кладбищах надгробий. С верхней части плиты надпись перешла на ее торцевую часть, и тут же надпись стала сопровождаться изображением либо голгофского креста с символами Страстей, либо Константинова (рис. 5–6). На стенах храмов появились белокаменные плиты-вставки, указывавшие на место захоронения (рис. 6). Ближе к концу XVII века узоры на надгробиях стали более пышными. Одним из излюбленных мотивов становится узор из цветов или листьев аканфа — эпоха московского барокко диктует новую моду (рис. 7–9).

Что же мы можем узнать из надписей на древнерусских надгробиях?

Эпитафии, вырезавшиеся на них, были очень кратки. Их формулы мало менялись на протяжении XVI и даже XVII веков. Самой обычной была такая надпись: «В лето такого-то года, месяца и дня таких-то на память такого-то святого преставился раб Божий такой-то». Появились они не на пустом

Рис. 1. Валунное надгробие схимника
Мартина. 1641 г.
Погост Воскресенской церкви. Тутаев
(бывш. Романово-Борисоглебск)

месте. В более раннее время подобные формулы обычны в летописях, встречаются они и в поминальных записях, процарапанных на стенах храмов.

И вновь необычность: ни год, ни месяц, ни день рождения в надгробии не отмечались. Но почему? В эпоху Средневековья и в Западной Европе, и на Руси на жизнь и смерть смотрели иначе, чем мы. Возраст человека не играл большой роли. Гораздо весомее были жизненный опыт и духовная мудрость. За эти качества даже сравнительно молодой человек мог быть назван старцем. Преподобного Иосифа Волоцкого, основателя Иосифо-Волоколамского монастыря, современники называли так в знак уважения, но тогда «старцу» едва минуло 20 лет.

Что же касается возраста, то земная жизнь в глазах человека Средневековья была лишь приготовлением к жизни вечной, а тело — лишь временной оболочкой бессмертной души. Да и сама смерть в глазах людей той эпохи была не просто прекращением земного существования. Это был переход от жизни тленной и временной в жизнь вечную. Так что день смерти оказывался важнее дня рождения (да такого понятия в Древней Руси и не существовало — люди обычно отмечали тезоименитство, то есть день памяти

Рис. 2. Белокаменное надгробие
архиепископа Ростовского и Ярославского
Тихона. 1511 г. Борисоглеб. Борисоглебский
монастырь

святого, в честь которого в крещении они получали имя). И по этой причине на надгробиях очень часто писали день памяти святого, на который пришла смерть, ведь человек рождался для новой жизни. И подобно тому как новорожденному давали имя того святого, на день которого он родился, так и на надгробиях проставляли имя святого, в чей день памяти он переселился в жизнь вечную².

На закате допетровской Руси, в эпоху московского барокко, когда усилились элементы светской культуры и, соответственно, возрос интерес к человеческой личности, надгробные надписи сделались более информативными. В человеке становится значимым всё: и сколько времени он прожил, и когда умер, какое общественное положение занимал, сколько времени состоял в браке и т.п.

В 1675 году в Чудовом монастыре на могиле Епифания Славинецкого, известного интеллектуала, выехавшего в Москву из Малороссии, появилась первая в истории России стихотворная эпитафия. Постепенно подобные произведения стали популярным жанром кладбищенской поэзии (рис. 8–9), которым не пренебрегали ни иерархи Русской Православной Церкви, ни бояре,

Рис. 3. Белокаменное надгробие
крестьянина Памфила. 1579 г.
Московская обл. Ногинский р-н.
с. Воскресенское

ни служилые люди, ни посадские, ни крестьяне. Стихотворные эпитафии — случай доселе небывалый — воспринимались не только как надгробные надписи, но и как явления книжной культуры, переписывались и распространялись в списках.

Средневековое общество строилось на принципах сословности, иерархичности и корпоративности. Статус человека, то есть его принадлежность к сословию или профессии, играл огромную роль. Он указывал место человека в социальной нише. Вот почему на надгробиях часто указывали, кем был умерший при жизни — иноком, князем, ремесленником. Человек гордился своим статусом, будь то один из князей Трубецких или переславский кольчужник Семион Ильин сын. Главное, что уравнивало всех без исключения, — погребенные были рабами Божьими. Этой же идее служило и единообразие форм и украшений надгробных плит, вне зависимости от социальной принадлежности умершего.

Каждый человек на Руси являлся прихожанином определенного храма. Вся его жизнь от рождения до гробовой доски была связана с этой церковью. Приходский храм, где над младенцем совершали таинство кре-

щения, был первой ступенью человека в жизнь, а после смерти — первой ступенью в жизнь вечную. На церковном погосте человек находил последнее пристанище. И надгробные надписи становились неотъемлемой частью заупокойного богослужения: они словно уподоблялись синодикам, которые по древней монастырской традиции раздавались всем присутствующим на службе мужчинам для поминовения умерших.

Представители боярских и дворянских родов нередко превращали храмы в родовые усыпальницы, где члены этих родов находили последнее упокоевание на протяжении нескольких поколений. Но то же самое нередко совершали и посадские люди, чьи деды и прадеды находили упокоевание на родовом участке на погосте приходского храма. И — удивительно — надписи на надгробиях свидетельствуют о прочной, в течение шести-семи поколений, связи нескольких поколений людей со своим приходом.

Нередко древнерусские надгробия используются в качестве источника по генеалогии боярских и дворянских родов, ведь по сохранившимся на камне биографическим данным можно узнать не только о времени жизни того или иного лица, но и о его семейных связях с другими родами.

И всё же содержание надгробных надписей гораздо шире.

Надгробие в известном смысле было памятником парадным. Если разделить всю записанную на них информацию на необходимую, связанную с «анкетными» данными умершего, и избыточную, не имеющую прямого отношения к погребальному обряду, то мы можем вникнуть и в глубины социальной психологии заказчиков надгробий. Наиболее информативными в этом отношении оказываются надгробия представителей служилого сословия Древней Руси.

Прежде всего их отличает самоуважение к собственной родовитости: отчества умерших всегда даются с суффиксом «-вич», что на Руси было высшим знаком почета. Общеупотребительным было отчество с суффиксом «-ов»: Иван Петров сын. Назвать человека Иваном Петровичем значило оказать ему уважение в высшей степени. И этим надгробия служилых людей разительно отличаются от челобитных, подаваемых на царское имя, где боярин, соблюдая известную субординацию, уничижительно именовал себя «царским холопом Ивашкой Петровым сыном». Так обычно — правда, без всякого отчества — сами бояре называли представителей «черных» (то есть плативших налоги) сословий — крестьян и посадских людей. Но и те не были ли-

шены чувства уважения к себе: мы не найдем ни одного надгробия, поставленного над могилой какого-нибудь Ивашки. И крестьянин, и посадский человек, да и неродовитый дворянин на надгробиях гордо проставляли свои отчества с суффиксом «-ов».

Вторая черта — родовая память. Нередко вместо древних надгробий, обветшавших от времени, создавались новые, сохранявшие прежнюю информацию. Нередко подчеркивались и вековые родовые традиции. Так, на кладбище при церкви Рождества Христова в Измайлове на боковой грани надгробия Марии Ивановны Никитиной (скончалась в 1872 году) помещена надпись о том, что на этом месте якобы была могила ее «предка» — служителя приказа Большого дворца Ва-

Рис. 4. Белокаменное надгробие служилого
человека Терентия Васильева сына
Лодыженского. 1584 г. Калужская обл.
Спасо-Воротынский монастырь

Рис. 5. Белокаменное надгробие второй
половины XVII в. с изображением голого
креста и символов Страстей.
Переславль-Залесский. Никольский
Переславский монастырь

Рис. 6. Белокаменная надгробная плита-
ставка столбика Козьмы Елизаревича
Квашнина с изображением
Константинова креста. 1697 г.
Тверь. Успенский собор бывш. Тверского
Отроча монастыря

силия Никитича Никитина, умершего в 1665 (!) году.

Эпитафии бояр и дворян, умерших дома от старости и болезней, избыточную информацию несут редко и действительно кажутся безликими и однообразными. Хвалиться здесь было нечем: долголетием Бог не обидел, да ратной славы не снискали. Зато гибель «на государственной службе» — на поле брани — уже была достойна увековечивания. Сначала этот достойный увековечивания факт отмечался скромно:

Лета 7072 (1564) июля 2 дня преставися раб Божий Алексей Тимофеевич Борисов, убиен бысть на государственной службе (с. Борисоглебское Муромского уезда).

Но постепенно описание подвигов становилось всё пространнее и пространнее, а избыточная информация — всё полнее:

7179 (1671) году мая 11 день замучен бысть в Астрахане стольник и воевода князь Семен Иванович Львов от богопротивного и злочестиваго богоотпадца православныя веры, от вора и разбойника, душегубца Стеньки Разина с товарищи (Ярославль, Спасо-Преображенский монастырь).

Вникая в ужасающие подробности этого надгробия, невольно ловишь себя на мысли, что истинным «героем» эпитафии всё же является «душегубец» Стенька Разин, а вовсе не павший от его рук воевода: механизм человеческой памяти такой, что информация, содержащаяся в конце эпитафии, запоминается лучше.

В конце концов эпитафии служилых людей превратились в развернутые повествования, где об обстоятельствах гибели на «государевой службе» сообщалось с мельчайшими подробностями.

Но иногда надгробные надписи создавались с таким расчетом, чтобы у читавшего их был повод поразмыслить.

Так, в эпитафии боярина А.С. Матвеева, растерзанного стрельцами во время бунта 18 мая 1682 года, имелось указание, что гибель его приключилась «на память убиения св. благовернаго царевича Дмитрия». Упоминания дней памяти русских святых на надгробиях крайне редки. В основе отбора дней памяти святых, помещаемых на надгробиях, лежала византийская традиция. Дни памяти святых, указываемых на надгробиях, восходят либо к Уставу Константинопольской великой Церкви, либо к Студийскому или Иерусалимскому уставам, окончательно сложившимся к XI–XII векам. Но в данном случае упоминание о гибели царевича Дмитрия

Рис. 7. Белокаменная надгробная плита — ставка жены думного дьяка Аверкия Стефановича Кириллова Евфимию. 1681 г. Москва. Церковь Св. Николая на Берсеневке

служило знаком внутренней связи двух событий, уподобляя невинную гибель святого младенца невинной гибели боярина.

Случалось и так, что надгробная эпитафия была совсем нелишним поводом напомнить о своих заслугах, вовсе не имевших отношения к имени умершего. Как, например, в надписи из Московского Златоустовского монастыря:

Лета 7152-го (1641/42) преставися раба Божия Васильева жена Петровица Опраксина Феврония, зовома Мар-

фа Игнатъевна в городе Короче, как муж ея Василей Петрович был воеводою и погребена на сем месте.

Когда читаешь эту эпитафию, волей-неволей возникает вопрос: что же было важнее для овдовевшего В.П. Апраксина, представителя захудалого к тому времени рода, — отметить надгробием кончину жены или же тот факт, что он вступил-таки в состав служилой элиты и был назначен корочевским воеводой?

Нередко за, казалось бы, однообразными строками надгробий звучат и отголоски политической борьбы. В первую очередь это касается эпитафий, появившихся над могилами

Рис. 9. Надгробие жены обжигальщика Михаила Иванова сына со стихотворной эпитафией. 1700 г. Москва. Церковь Св. Николая Чудотворца в Хамовниках

жертв Смутного времени. Имя Бориса Годунова, столь ненавидимого московским боярством, стало в них, что называется, притчей во языцех. Немало усилий было положено на его, хотя бы и посмертную, дискредитацию.

Борющиеся за власть боярские группировки по-своему использовали подлинные и мнимые преступления царя Бориса. Бояре Романовы, в которых Борис Годунов, и не без оснований, видел серьезных конкурентов в борьбе за трон и обошелся с ними особенно жестоко, отправив в ссылку

Рис. 9. Надгробие жены обжигальщика Михаила Иванова сына со стихотворной эпитафией. 1700 г. Москва. Церковь Св. Николая Чудотворца в Хамовниках

в удаленные монастыри и города, вообще превратили родовое кладбище в Московском Новоспасском монастыре в своеобразный мемориал жертв призола царя Бориса. Сюда были перенесены останки тех Романовых, кто не пережил ссылки.

О чем же поведали надписи на этих могилах?

Лета 7114 (1606) марта в 12 день на память преподобного Феофана Исповедника погребен раб Божий Александр Никитич Романов, а преставися в заточении от царя Бориса Кириллова монастыря в вотчине на Луде.

Лета 7114 (1606) марта в 18 день на память святителя Кирилла Иерусалимскаго погребен раб Божий Михаил Никитич Романов, а преставися в заточении от царя Бориса в Пермши у Николая Чудотворца.

Лета 7119 (1618) февраля в 15 день на память святого апостола Онисима преставися раб Божии Василий Никитич Романов, молитвенное имя Никифор, в заточении от царя Бориса в Сибирском граде на Пельме в Нырпу на погосте.

Как говорится, имеющий уши да слышит!

Рис. 10. Надгробная плита семьи Копосовых. 1654–1656 гг. Галич. Церковь Богоявления.

Но не только о людях повествуют эпитафии. Надгробия — неотъемлемая часть истории церкви или монастыря. Нередко даты, высеченные на них, оказываются древнее, чем первые упоминания об этих объектах в иных письменных источниках — летописях, жалованных грамотах, писцовых книгах и т.п. И находка подобных памятников позволяет существенно скорректировать наши представления о времени возникновения того или иного храма или обители.

Но ведь церкви и монастыри являются частью истории города или села. И в этом случае надгробия свидетельствуют также о ранних этапах существования этих населенных пунктов. Более того, при крайней скудости письменных источников по истории «малых» городов (что, увы, нередко для России) именно надгробия позволяют маркировать те или иные объекты (слободы, улицы и т.п.) во времени и пространстве.

Бывает и так, что эпитафии сохраняют память об исторических событиях, неизвестных из других источников. Сравнительно недавно в Галиче (Костромская область) было найдено валунное надгробие над могилой родственников известного иконописца

Никифора Богданова сына Копосова — матери, сына и родного брата, умерших в 1654 году (рис. 10). Факт сам по себе примечательный, поскольку, как правило, от биографий иконописцев Древней Руси сохранились буквально крупницы. Однако ценность сведений, сохранившихся в эпитафии, возрастала еще и потому, что в ней содержалась летописная приписка о чуме в русских городах, в том числе и Галиче, а о том, что этот город затронула эпидемия, иные источники не сообщали³.

Конечно, в столь кратком обзоре невозможно дать подробный рассказ о древнерусских надгробиях. Материал, содержащийся в них, неисчерпаем. Но то, что сохранилось до наших дней, лишь небольшая часть, которую пощадило время. Необозримое число

надгробий погибло. Гибли они и по людскому небрежению, и во время бунтов и войн, и при прямом содействии государства. В 1722 году Петр I запретил хоронить умерших в черте города и предписал «надгробные камни при церквях и в монастырях опускать вровень с землею... которые же камни неудобно так разместить, употреблять их в строение церковное». Так канула в вечность значительная часть «каменного архива» допетровской Руси. Не менее ощутимый урон ему был нанесен в годы советской власти при закрытии кладбищ и разрушении монастырей и церквей, так и не попав в руки ученых. Однако немалое число надгробий еще сохранилось в городах и весях России, но и они или оказываются под угрозой уничтожения, или — чаще

всего из-за незнания — погибают. По этой причине особую актуальность сегодня приобретает создание свода древнерусских надписей, в котором были бы опубликованы надгробные и иные надписи конца XV–XVIII веков из храмов и монастырей России. Такое издание позволило бы сохранить эти источники под «одной крышей» и стать основой для их дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

² См.: Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV — начала XVIII века // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. III. С. 322–415.

³ См.: Авдеев А.Г. Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (44). С. 121–132.

Как правильно зафиксировать и описать надгробный памятник

Кладбища традиционно располагались рядом с храмами. Поколения приходящих рождались и умирали, оставляя память о себе на церковном погосте и приходских синодиках. При этом если страницы поминальных книг затирались и очень скоро приходили в негодность, то надгробные кресты и памятники донесли запечатленную на них информацию до сегодняшнего дня. Опись и последующее изучение надгробных надписей — гарантия сохранения прошлого и способ восстановления истории прихода. О том, как правильно подойти к составлению такой описи, читайте в предложенной ниже инструкции.

Существующие методики описания памятников некрополя¹ мало учитывают специфику надгробий как памятников эпиграфики и не

касаются других типов надписей, например строительных, на различных типах крестов и т.п. Единых правил публикации древнерусских эпиграфических памятников, которые отвечали бы современным требованиям, до настоящего времени не сложилось. Данная инструкция по фиксации и описанию древнерусских лапидарных эпиграфических памятников разработана на основе правил, действующих при публикации памятников античной лапидарной эпиграфики, однако учитывает опыт и специфику исследования древнерусских надписей.

I. Формальное описание. При описании древнерусских эпиграфических памятников большое значение имеет описание типа и местоположения надписи.

1. Описание начинается с географической привязки надписи: указываются названия области, района, населенного пункта, монастыря, храма или некрополя.

2. Затем определяются тип памятника (надгробная плита, плита-вставка, крест), материал (белый камень, валун), форма (прямоугольная, трапециевидная, количество концов у креста).

3. Далее указывается расположение плиты — на стене храма или иного сооружения (очень важно указать соответствие стены сторонам света), на некрополе (при этом для определения, расположена ли надгробная плита над погребением или нет, важно указать направление строк эпитафии в соответствии со сторонами света), во вторичном использовании (например, в фундаменте).

4. Следующий этап — определение размеров памятника. Учитываются три главных параметра: длина, ширина и высота. У надгробных плит из известняка обязательно промериваются ширина и высота в головах и ногах. У надгробий на валунах — ширина и высота в головах, в центре и в ногах. У плит-вставок, как правило, для измерений доступны только высота и ширина. У белокаменных крестов измеряются высота, длина древка и перекрестий и их ширина.

В случае если надгробия и кресты дошли в поврежденном виде, указываются количество фрагментов, максимальные длина, ширина и высота каждого.

5. При описании надписи отмечаются: ее местоположение (на боковой или верхней грани плиты), количество строк, измеряются высота каждой строки и расстояние между ними.

6. При наличии узора представляется целесообразным дать его краткое описание. Описывается расположение узора на памятнике, отмечаются тип узора — мелкие треугольники («волчий зуб»), сочетание мелких и круглых треугольников, плетенка, растительный узор, наличие клейм и боковых тяг. Целесообразно измерить ширину орнамента.

II. Фотофиксация надписи. Фотографии должны дать максимально полное представление об эпиграфическом памятнике. Главное условие — идеальная четкость и контрастность фотографий. Фотографируются общий вид памятника и сама надпись. Надписи фотографируются только фронтально! Важно следить за тем, чтобы надпись или ее часть не была закрыта тенью. Если на боковых гранях надгробия имеется орнамент, лучше всего сделать фотографию памятника с угла так, чтобы были видны две грани с орнаментом.

Если надпись имеет большие размеры, целесообразно сделать фотографии ее нижней и верхней частей.

Цифровая фотография должна иметь максимальное разрешение. Фотографии, сделанные на мобильный телефон, не принимаются.

III. Чтение надписи. Для человека, мало знакомого с древнерусской эпиграфикой, прочтение надписи представляет определенные трудности. Основными сложностями являются наличие буквенной цифири (буквенных обозначений цифр), сокращенных написаний слов, выносных букв и лигатур — соединенных написаний букв. Достаточно контрастная фотография позволит определить эти особенности специалисту.

Первая публикация древнерусских надгробий из Архангельского собора Московского Кремля и Данилова монастыря была осуществлена А.П. Сумароковым в 1757 году. За более чем два с половиной века появилось большое количество изданий древнерусских эпиграфических памятников конца XV — начала XVIII века. Из них на начальной стадии изучения и фиксации надгробий очень полезными могут оказаться следующие книги:

- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996;
- Русское средневековое надгробие XIII–XVII веков. Материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006. Вып. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Компанец С.Е. Надгробные памятники XVI — первой половины XIX в. М., 1990; Тьдман Л.В. Замечания по методике паспортизации надгробий XVII — первой половины XIX в. // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. Материалы научно-практической конференции. М., 1991. С. 164–183.

² См.: Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006; Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006. Вып. 1.

Corpus Inscriptionum Regni Moscovitarum

Университет Дмитрия Пожарского при участии Центра археологических исследований Главного управления охраны памятников Москвы и исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета начинает научный проект по сбору и изданию Корпуса древнерусских надписей. На начальном этапе планируются сбор и издание свода надписей конца XV — начала XVIII века, вырезанных на белокаменных плитах, крестах, а также валунах (рабочее название — Corpus Inscriptionum Regni Moscovitarum). Именно на этом направлении древнерусской эпиграфики в последнее время благодаря многочисленным исследованиям и публикациям памятников созданы наиболее благоприятные условия для научного прорыва в составлении корпуса надписей, отвечающего мировым научным стандартам². В этом длительном проекте мы рассчитываем на помощь всех, кто интересуется памятниками родной старины. Каждый, приславший фотографии и описания памятников эпиграфики, соответствующие данной инструкции, будет включен в состав авторов — составителей свода. **Фотографии и описания надписей следует присылать Александру Григорьевичу Авдееву по адресу: avdey57@mail.ru, с темой «Корпус надписей» и отметкой о подтверждении прочтения письма. В письме просьба сообщать фамилию, имя, отчество, контактные данные.**